

НЕКОМПЕТЕНТНЫЙ СПЕЦИАЛИСТ

рассказ

Олег ЦЕЛЕБРОВСКИЙ

г. Петрозаводск

«Мои восемьдесятые»...

Ха! На самом деле все было по-другому...

Эта история произошла со мной аж в 1983 году. В эпоху развитого социализма и самого расцвета периода застоя.

Вот так это странно звучит: расцвет застоя!

И ведь что-то в этом было, в расцвете застоя. То ли радовала уверенность в завтрашнем дне, пусть плохоньком, но зато абсолютно предсказуемом, то ли радовала всеобщая нищета, которая почти не ощущалась, ведь сравнивать-то было практически не с чем и не с кем, то ли все-таки грела маячившая за недостижимым горизонтом идея коммунизма, когда — все бесплатно!

Не знаю. Наверное, просто мы были моложе и плохого не замечали, а хорошему радовались.

Я ведь тогда как раз заканчивал университет.

Все это сейчас мне кажется почти сказкой. Так что можете считать, что читаете сказку о некомпетентном специалисте...

В одном советском городе был Университет, в Университете Лесоинженерный факультет, на факультете учились студенты...

«Кто кого кончит — я его или он меня?» — эта мысль нередко посещала меня во время учебы в университете. Я не был ярким хвостиком, но и в авангард явно не выбивался. Учеба шла с переменным успехом. Что-то вроде позиционной войны с боями местного значения. Преподаватели — эти воины университета, казалось, не пытались нас научить, а хотели доказать, что мы способны к обучению не лучше чем медузы. А мы, несмотря ни на что, с минимальными потерями (иногда теряя стипендию, а иногда и товарищей...) сдавали сессии, доказывая, что даже медузы и растения способны к некоторой, практически высшей, психической деятельности.

И наконец наступил момент — аплодисменты, чуть смущенные лица, и в десятки карманов вче-

рашних студентов опустили десятки синеньких книжечек, гордо именуемых дипломами.

На выпускном вечере мы, теперь уже молодые специалисты, и наши преподаватели долго говорили в адрес друг друга слова, часто диаметрально противоположные тем, что можно было услышать в течение пяти лет в коридорах универа.

Прошел положенный отпуск, и я с дипломом в кармане и направлением в руке отправился искать конструкторский отдел, в который меня распределили.

Да, тогда ведь ты не выходил из вуза в белый свет как в копеечку. Броди по свету — ищи работу. Нет! Ты шел четко туда, куда тебя направила комиссия по распределению. И снова вопрос: хорошо это или плохо?

С одной стороны, вроде хорошо, не надо париться — куда пойти работать. Ты четко был пристроен. С другой стороны, моих друзей, например, пристроили на работу в Коми АССР, в зону. Не каждый будет рад такому трудоустройству.

В редких случаях выпускники получали «свободный диплом». Такой шанс выпадал, допустим, беременным выпускницам. Но я таковой не являлся, поэтому шел, волнуясь, по указанному адресу.

Улицу я нашел быстро, но дом с нужным номером никак не мог обнаружить.

Я уже начал подумывать, не посчитала ли комиссия по распределению меня именно беременной выпускницей и не выдала ли направление на несуществующее предприятие... К четвертому часу блужданий я уже почти уверился, что у меня свободный диплом, только не мог понять, на каком основании.

Но вот в окнах одного из зданий я заметил кульманы. А ведь меня распределили как раз в конструкторский отдел и кульман должен был минимум на три года (именно столько обязан отработать на месте распределения молодой специалист) стать моим орудием труда. Все вроде как совпадало, и я решительно открыл двери...

Вошел и сразу же наткнулся на колоссальную курилку, в которой, по-видимому, сидело огромное количество человек. Судя по стоявшему гулу, их было не меньше тысячи, но дым позволял увидеть только несколько пар ног у самого входа.

Я сунул голову в дым и поинтересовался, туда ли я попал.

Из интенсивно накатывающихся клубов мне ответил нежнейший женский голосок, который сообщил, что попал я не туда, а мой конструкторский отдел находится совсем рядом, сто метров по тропинке, двухэтажное здание. Я поблагодарил и, откашлявшись, двинулся в указанном направлении.

Действительно, через сотню метров я вышел к двухэтажному деревянному домику, который походил на конструкторский отдел не больше чем телега на автомобиль. И все-таки это был он. Так я стал инженером-конструктором!

Я проработал уже две недели, когда меня отправили на Украину что-то доставать. В те времена ведь ничего не покупали, а только лишь доставали. Вообще-то, для того чтобы что-то доставать, надо было быть прожженным пройдохой или, как их называли на производстве, снабженцем. Но, как ни странно, я справился с заданием. Наверное, это произошло, потому что мне было абсолютно наплевать — получится у меня что-нибудь или нет. По закону подлости оно получилось. Тогда меня отправили в Воронеж что-то отвозить. Я опять не подкачал. На какое-то время меня оставили в покое, но потом, видимо опомнившись и поняв, что что-то я подзадержался у кульмана, послали на стройку. Отнюдь не инженером, а подсобным рабочим. Помните «Приключения Шурика»?

Когда я научился мастерски обдирать потолки, готовя их к побелке, и ругаться почему зря с бригадиром, меня срочно вызвали в отдел, выдали внеплановый аванс и, дружески похлопав по плечу, пожелали успехов в работе на полях подшефного совхоза.

Там я научился безошибочно определять, сколько в грядке соток, и наизусть выучил расценки на прополку турнепса, погрузку удобрений и сортировку картошки...

Уже через месяц я успевал сделать норму (прополоть грядку с турнепсом площадью пять соток к десяти часам утра) и начал подумывать о погрузке комбикормов в оставшееся время, но приехала смена, я вернулся в город и, с трудом припоминая дорогу, вернулся в родной конструкторский отдел. Перед изумленными коллегами я предстал загоревший и возмужавший, с шершавыми крестьянскими

ладонями и умением крутить самокрутки, наполняемые из хапчиков, используя любую подвернувшуюся бумагу, даже ватман.

Когда я уже почти восстановил в памяти приемы работы с кульманом и карандашом, меня вызвал замзавотделом.

— Алексей, нужно срочно слетать в командировку! Вылетаешь сегодня. Дуй за билетом! — сказал он очень бодро и лучезарно посмотрел на меня. Я сосчитал в уме до ста десятками и абсолютно спокойно спросил сквозь зубы:

— Куда?

Замзавотделом произнес какое-то слово. Что-то вроде междометья. Я переспросил. Он повторил. Потом добавил:

— Так называется город.

— И где это? — зачем-то поинтересовался я, как будто это что-то меняло.

Замзав достал атлас, открыл карту Урала, задумчиво поводит по ней пальцем, с любопытством заглянул в конец атласа, и я подумал, что там, кажется, карты Дальнего Востока. Мне стало совсем грустно, потом замзав закрыл атлас и сказал:

— До Питера — поездом, потом до Свердловска — самолетом, а там — разберешься!

Чтобы сильно не нервничать, я попробовал сообразить, сколько будет одиннадцать в кубе, — не сообразил, сделал вывод, что мой мозг, несмотря на свалившуюся на него информацию, работает в штатном режиме, бодрым жестом распахнул пиджак, забыв расстегнуть пуговицы, и абсолютно спокойно спросил:

— Зачем?

Шеф достал из кармана листок телетайпограммы и показал мне. На листке было написано, что срывается монтаж линии из-за того, что где-то что-то не подходит, и в связи с этим срочно требуется специалист.

— Видишь ли, — пояснил замзав, — мы им другой станок поставили, поэтому надо транспортер урезать. Всего и делов-то!

— А по телефону нельзя?

— Нельзя. По телефону такие вопросы не решаются. Мало ли что еще... Поможешь разобраться.

— Но ведь я же этой линии в глаза не видел, — возразил я.

— Сейчас увидишь! — успокоил меня шеф и развернул на столе огромный чертеж, на котором

была нарисована масса прямоугольников и других забавных геометрических фигур.

— Видишь, это накопитель, — замзав энергично водил пальцем по листу на манер полководца, планирующего сражение, — это транспортер, который надо обрезать, это пила. Все ясно? Дуй за билетом!

— Но ведь я же...

— Ничего, не боги горшки обжигают. Если что — звони. Документацию мы им выслали. На месте разберешься. Вперед!

Я дунул за билетом.

Вечером мы с женой гуляли перед расставанием. Жена смотрела на меня, будто видела в последний раз.

— Не повезло, конечно, но ничего... Может, вернусь, — успокаивал я ее. — Зато потом везти начнет. Везение и невезение должны компенсироваться.

— Тогда купи вон «Спринт», — сказала жена, кивнув на ларек. — Посмотрим, что у тебя и как компенсируется.

Я купил и выиграл пять рублей.

— Да, — успокоилась жена, — за пять рублей, может, вернешься. Если б тысяча, то ни в жизнь не скомпенсировать.

Уже на следующий день я оказался в Пулково.

Билет на Свердловск я купил до безобразия быстро.

«Кажется, мне везет, — с испугом думал я, — плохой признак. Чем-то это будет компенсироваться?»

Я уже стоял в очереди на посадку, когда ко мне подошла женщина и полушепотом попросила:

— Молодой человек, возьмите мою сумку.

Я опешил. С чего это мне брать её сумку? Может, она шпионка, приняла меня за своего агента и передает мне бомбу?

Но все оказалось проще. У меня из вещей был только «дипломат», а женщина не хотела оформлять багаж. Вот и решила со мной «поделиться» лишним весом. Я согласился. Мы прошли контроль.

В аэропорту Свердловска женщину встречали сын и дочь с мужем. Они были на машине и предложили мне поехать в город с ними. Я подумал, что опять везет и расплата за это, видимо, будет страшная, но согласился.

Но в машине я понял, что если в этот раз мне и повезло, то не очень. В машине из-за множества вещей места было очень мало, мне пришлось ехать на острейшем колене дочкиного мужа и изо всех сил избегать ударов головой о потолок. Машину вела сама дочка, и я подозревал, что, если бы водителем все-таки был бы ее муж, коленка под моим задом была бы поуютнее. Но, с другой стороны, снова было бы везение. А его и так уже хватало по компенсации если не на мученическую смерть, то уж на какую-нибудь неизлечимую болезнь — точно.

Меня довели до самого вокзала. Я поблагодарил и побежал искать расписание.

До поезда, следующего в город с названием-междометием, оставалось около часа. Я подошел к кассе.

Передо мною стояли два очень импозантных типа. Один был одет в телогрейку, спортивные штаны и калоши на босу ногу. Второй выглядел несколько шикарнее. На нем был двубортный, слегка замусоленный пиджак, серые милицейские галифе и лыжные ботинки. Мужички шарили по карманам, изредка с радостными восклицаниями извлекали оттуда мелочь и совали ее в кассу.

— Только не дышите! Не дышите! — восклицала совсем юная кассирша, поглядывая на медленно растущую кучку денег.

Наконец карманные резервы были исчерпаны, и кассирша сгрэбла мелочь.

— На билет в общий вагон не хватает тринадцати копеек! — заявила она.

— Слушай, мать... — сунулся было в окошко мужик в калошах.

— Только не дышите! — закричала кассирша.

— Сестренка, нам уехать надо, — присоединился второй мужик, тоже придвигаясь к кассе.

— Отравите же, ироды! — Девушка вскочила, схватила стоявший у нее на столике вентилятор и направила его на окошко.

Струя воздуха ударила сначала в лица мужиков, а потом в лицо мне. Я сразу понял, почему она кричала «не дышите». Если бы не совхозная закалка, где нас во время прополки турнепса опыляли гербицидами, дальше городской больницы Свердловска я вряд ли уехал бы.

Кассирша с возгласом «Чтоб вы провали-

лись!» сунула мужикам билеты, и они степенно удалились.

— Вот всю смену так мучаюсь, — сказала девушка, поднимая ко мне лицо. — Слушаю вас.

Я назвал город, в который мне надо было попасть. Кассирша посмотрела на меня с явным сожалением.

— Купейный, пожалуйста, — уже почти отдышавшись, сказал я.

— Какой?! — переспросила она.

— Купейный. А что — нет?

— Е-е-есть, — очень удивленно протянула девушка и посмотрела на меня как на марсианина.

Я понял, что купейные билеты здесь особым спросом не пользуются.

«Это хорошо, что есть купейный, — подумал я, купив билет, — хоть выплюсь!» А платит за меня предприятие. Главное, чтоб в купе жарко не было. Плохо я сплю, когда жарко.

Когда подали поезд, уже стемнело. Я вошел в вагон. Ласково стрекотал сверчок. Свет не горел. Где-то рядом журчала вода. Никакой жары. Даже наоборот.

Я двинулся на ощупь и, сделав пару шагов, очень сильно ударился обо что-то лбом. Это что-то упало со страшным грохотом и дико зашипело, причем я тут же почувствовал, что мои ноги становятся мокрыми. Такого ужаса я не испытывал никогда. Я заорал как сумасшедший, подозревая, что наткнулся на какое-то висящее на уровне головы змеиное гнездо. Причем сооружено оно было из какого-то на удивление жесткого материала. А теперь эти змеи извивались на полу и плевали в мои ноги ядом. Вот почему кассирша смотрела на меня с таким сожалением, когда я попросил билет в купейный вагон! Здесь какие-то злодеи тайком в темноте разводят змей и губят бедных пассажиров!

В это время сзади раздался еще какой-то шум и с криком: «Что здесь происходит?!» меня со всех сил толкнули в спину. Я упал, ощущая под собой какое-то жуткое жесткое и холодное животное, извергающее жидкость. Кстати, тоже холодную. Тут же мне на спину обрушилось что-то тяжелое, но все-таки теплое и мягкое. И оно на мне шевелилось!

Как выяснилось, это была проводница. Она,

не поднимаясь, включила фонарик и сказала на удивление спокойным голосом:

— Что ж вы, молодой человек, хулиганите? Огнетушитель вот сшибли. Белье брать будете?

— Буду, — ответил я.

— Рупь приготовьте. Без сдачи! — сказала проводница наконец и встала с меня.

В купе я оказался единственным пассажиром. Впрочем, после столкновения с огнетушителем и покрытия моего тела телом проводницы меня это совсем не удивляло. Если пассажиры здесь каждый раз сталкиваются с подобными ситуациями, желание ездить в купейном вагоне исчезнет быстро и навсегда.

Мои рубашка и брюки были испачканы ржавой струей старого огнетушителя. К счастью, запасная рубашка у меня с собой была. С джинсами было сложнее, но я решил, что утро вечера мудренее, застелил в темноте на ощупь постель и мгновенно уснул. Вероятно, нервная система была настолько перегружена, что решила отключиться сразу. Чтобы не перегреться.

Днем я стоял у окошка администратора гостиницы и заполнял бланк приездего. Хотя правильнее было бы сказать «поселенца», особенно учитывая интерьер (да и экстерьер) здания. То ли те, кто возводил это здание, кроме тюрем ничего не строили, то ли это было какое-то новое слово в гостиничной архитектуре, но при первом взгляде на здание, да и при втором взгляде на то, что было внутри, создавалось впечатление, что ты сюда надолго и просто так эти стены не покинешь...

В графе бланка «дата и год рождения» было отпечатано «198...». На календаре был 1983-й. Можно было подумать, что я записываюсь в ясли. Немного поколебавшись, восьмерку я зачеркнул и поставил свой шестидесятый год.

Мне дали номер на втором этаже. Если не считать временного, как объяснили, отсутствия воды, я устроился довольно комфортно — в комнате было две железные кровати, две прикроватных тумбочки, стол и два стула. Скажите, ну что еще человеку надо?

Следующим утром я решительно отправился «обжигать горшки». Первое, что я сделал на фабрике, — это отметил прибытие, а заодно и убытие. То есть число я не поставил, но печать

и подпись в командировочное удостоверение у секретаря директора выклянчил. Как мне объяснил один опытный работник нашего отдела, это самое главное. Теперь я мог спокойно вписать нужное мне число и возвращаться домой. «А если не поставишь, — пугал меня коллега, — полгода можешь проторчать. Они как в тебя вцепятся — так не отпустят. Им специалист нужен позарез». Я, конечно, сомневался, что мое присутствие на фабрике может доставить кому-нибудь столь сильное удовольствие, чтобы наслаждаться моим присутствием полгода, но совету последовал.

Следующим этапом была встреча с директором. Когда я вошел в кабинет и посмотрел на этого человека, то сразу подумал, что сделаю все возможное в жизни, чтобы не стать директором. Он выглядел так, будто у него в один день сгорела квартира, сын ушел из института и выигравший билет «Спортлото» оказался неправильно заполненным. Директор тяжело посмотрел на меня и спросил:

— Студент, что ли? По распределению? Условия не устраивают и собрался домой?

— Командированный я. По поводу линии. — Я показал ему телетайпограмму.

— Что ж вы... (вставьте любое известное вам матерное слово во множественном числе. На самом деле их и было множество) делаете?! — директор так трахнул кулаком по столу, что я отскочил на шаг назад. — Ваш станок же в линию не лезет! Вот сейчас пойдешь и сам монтировать будешь! Рабочники хреновы!

— Я не виноват, — оторопело прошептал я. — Насчет станка была договоренность, что мы заменим. Вы же сами согласились.

— Ты мне скажи, как линию монтировать?

— Надо обрезать транспортер! — отчеканил я.

— Ладно, пойдем к бригадиру монтажников. С ним поговорим, — уже более миролюбиво сказал директор и встал из-за стола.

Бригадир монтажников, отмеченный на спецовке лейблом «древмонтаж», сидел в кабинете главного механика и, посасывая беломорину, с неподдельным интересом слушал, как тот разговаривает по телефону.

— Слушай, Васька! — кричал раскрасневшийся главный механик. — Ты мне мозги не вкручивай! Я тебе битый час говорю: у меня

работа стоит. Я тебе мотоцикл дал? Дал! Так какого черта ты мне доски не везешь? При чем здесь Машка? Как родила? Ну и что, что родила! Ты что, у нее роды принимал, что ли? А если она каждый день рожать будет? Не будет? Гарантируешь? Ах, девять месяцев? Я так понимаю, что мне теперь девять месяцев ждать? Не ждать? Ты мне мозги не вкручивай, ты мне доски давай, у меня работа стоит. Что значит — не волк? Мне дачу кончать нужно, а ты мне волками баки заколачиваешь!

Бригадир монтажников блаженно улыбался. Разговор явно доставлял ему удовольствие.

— Привет, Мироныч, — директор пожал бригадиру руку и кивнул главному механику, тот тоже кивнул, не отрываясь от телефона,

— Мироныч, вот тебе специалист по линии. Поможет разобраться. Если что — заходите ко мне. — Директор вышел.

Мироныч пожал мне руку и, как подобает светскому человеку, начал разговор с погоды:

— Хреново, говорят, у вас. Какие-то соленые дожди идут. Чуть без шапки прошел — готова лысына.

— Не знаю, — удивился я. — Вроде пока не лысею.

— Я тебе точно говорю. Я у вас был один раз. Что ж вы такую линию даете, что не собрать? Станок-то не лезет!

— Надо обрезать транспортер, — отчеканил я.

— Дураку понятно, что надо обрезать. Только кто же его резать будет?

— Вы, — сказал я, совершенно не понимая, за чем ехал в такую даль, если все, оказывается, и дураку понятно.

— Эх, мил человек, — улыбнулся бригадир. — Обрезать не проблема. Мы уж давно и обрезали бы, и установили.

— В чем же дело? — изумился я.

— Так ведь мы должны все согласно чертежам сделать. На чертежах транспортер не обрезан? Не обрезан. Значит, мы его обрезать не имеем права.

— Но вы же говорите, что и дураку понятно, что обрезать нужно. Вот и обрежьте.

— Дуракам, мил человек, все всегда понятно. Дураки без чертежей и обрезали бы, а мы не можем. Кто отвечать-то будет? Пушкин?

— При чем здесь Пушкин? Фабрике линия нужна?

— Ну.

— Вот и монтируйте.

Бригадир посмотрел на меня, как смотрит учитель геометрии на ученика, который никак не может понять, почему параллельные прямые не пересекаются, глубоко затаившись, выпустил колечко дыма и устало спросил:

— Ты кем работаешь-то?

— Конструктором, — не без гордости ответил я.

— Эту линию конструировал?

— Нет.

— А чего же ты сюда приехал?

— Чтобы сказать, что нужно обрезать транспортер.

— Это и дураку понятно.

Все. Круг замкнулся. Дуракам понятно все. Мне — ничего. Отсюда следуют самые печальные выводы о моих умственных способностях. И эти выводы делаю, похоже, не только я сам, но и бригадир.

Мироныч задумчиво погасил в пепельнице папиросу и печально сказал:

— Ты мне чертеж обрезанного транспортера дай. Тогда мы его обрежем. И все дела.

Легко сказать — «все дела», а где я возьму этот чертеж? Похоже, что без консультации своего начальства мне не обойтись. Значит, нужно заказать междугородний разговор. Я посмотрел на телефон, по которому главный механик продолжал решать неотложные вопросы.

— Васька, — кричал он в трубку, — ты мне все время мозги вкручиваешь! Ты же на гвоздях сидишь, что ж ты жмешься? Кутехина взяла на растворную? Да та растворная две зимы под небом простояла, как-нибудь и третью прокантуется! Ты меня к Кутехиной не посылай, посылай я сам умею...

Звонить я пошел к директору. Соединили довольно быстро. Правда, сначала перепутали город, но потом дали тот, что нужно, хотя другой номер, и я с полминуты разговаривал с каким-то старичком, который жутко обрадовался и все кричал:

— Молодец! Молодец! Спасибо, что позвонил, не забываешь!

Наконец на другом конце раздался голос нашего замзава:

— Ну что, пояснил, что к чему? Поняли они, что транспортер нужно обрезать?

— Они говорят, что это и дураку понятно! — зло прокричал я. Директор оторвался от своих бумаг и с удивлением посмотрел на меня.

— Что же они человека требовали?! — возмутился замзав.

— Они без чертежей обрезать не соглашаются.

— Ну и нарисуй им чертежи.

— Как — нарисуй? — Я чуть не выронил трубку.

— Как же я их нарисую?

— Так и нарисуйшь! Конструктор ты или нет?

Конструктор я или нет? Если судить по записи в трудовой книжке — да, а если по той работе, которую я выполнял с момента выхода на работу, то я скорее сельхозрабочий или строитель, но никак не конструктор.

— Ну, конструктор.

— Вот и конструируй!

— Но на основании чего?

— На основании имеющегося чертежа транспортера. Чертеж у них должен быть. Мы выслали полгода назад. Исходный номер письма — сто пять.

— Ясно, — тяжело вздохнул я и уже хотел положить трубку, но директор жестом дал понять, что тоже хочет поговорить.

— Тут с вами сейчас директор будет говорить, — мстительно сказал я и передал телефон.

— Добрый день, — начал директор. Остальной разговор свелся к различным модификациям выражения «что ты мне мозги вкручиваешь». Я не стал ждать окончания и отправился к Миронычу за чертежами транспортера.

В кабинете главного механика, как говорят синоптики, существенных изменений не наблюдалось, бригадир Мироныч все так же тянул бесконечную беломорину и с умилением прислушивался к телефонному разговору хозяина кабинета:

— Васька, ты мне на лысину не капай! Если шиферу не будет, ты мне крышу своим телом покроешь! При чем здесь твой школьный товарищ? Ты разве в школе учился? Еще детский сад вспомнил бы...

— Мироныч, — грустно сказал я. — Мне чертежи нужны.

— Ну? — восхитился Мироныч. — Теперь уже и тебе нужны? Поздравляю!

— Дайте мне чертежи транспортера, и я нарисую, как его обрезать.

— Вот это дело! — обрадовался Мироныч. — Только вопрос в том, где эти чертежи взять.

— Вам же выслали. Полгода назад. Исходный номер — сто пять.

— Мне твой исходный номер — как водолазу зонтик. Вот все мои чертежи, — Мироныч жестом фокусника извлек откуда-то сложенный чертеж и развернул его. Я увидел уже знакомый набор геометрических фигур.

— Вот транспортер, — я уверенно ткнул пальцем в один из прямоугольников.

— Точно! — радостно подтвердил бригадир. — Соображаешь все-таки!

— А еще какие-нибудь чертежи у вас есть?

— Тебе мало, что ли? — усмехнулся Мироныч. — Все, что могу.

Это был удар. Я, конечно, не был уверен, что смогу сделать нужные чертежи даже при наличии исходной документации, но сделать их вообще без нее было просто невозможно.

Кажется, моя командировка могла затянуться. Я уже представлял себе, как я, нестриженный и небритый, с горящими глазами и трясущимися руками, покачиваясь, стою у кульмана, где потихоньку, практически с нуля, возникает новая прогрессивная конструкция транспортера... Этаким Леонардо двадцатого века, конструирующий необыкновенные транспортеры, влетающие в линии. Видения явно не воодушевляли.

— Мироныч, а может, чертежи пришли и лежат где-нибудь? — с надеждой спросил я.

— Не волнуйся, не пришли. Я уже проверял. Зря я здесь, что ли, с бригадой полгода кантуюсь? А дома без меня дети растут. Папка вернется — не узнают. Если вернется, конечно...

— Что же делать? — я с отчаянием посмотрел на бригадира.

— Снять штаны и бегать! — хохотнул Мироныч. — Подождешь со мной, может, и придут твои чертежики.

— Так ведь полгода шли и не дошли.

— Может, еще столько же будут идти. Большие дела быстро не делаются.

Я не знаю, какое выражение приняло мое лицо после этих слов, но Мироныч, взглянув на меня, вдруг перестал улыбаться, встал, отечески похлопал меня по плечу и задушевно сказал:

— Ладно, не плачь, конструктор. Иди в столо-

вую, поешь и возвращайся пока в гостиницу, а завтра звони своему шефу.

Я отрешенно посмотрел на главного механика, который все еще кричал в трубку телефона: «Васька, ты чего мне фуфло гонишь?», и молча вышел.

Столовая была расположена в этом же здании и оформлена так великолепно, что ее интерьеру могли позавидовать многие рестораны. Чувствовалось, что здесь работали профессионалы. Две стены были покрыты мозаикой, Третья, стеклянная, разрисована яркими сочными красками, колонны отделаны деревом, даже плитка на полу образовывала причудливый орнамент. «Вот, — с умилением подумал я, — умеют же, если захотят, позаботиться о людях, об их эстетических запросах!»

Правда, когда я подошел к раздаче, мои восторги несколько поутихли. На стойке одиноко остывала тарелка с каким-то варевом, гордо именующемся в меню солянкой, а около кассы белели стаканы со сметаной. И все. Все, не считая подсохшей горбушки хлеба посреди усыпанного крошками металлического подноса. Поскольку, к счастью, в данный момент я был единственным посетителем, то можно было не опасаться, что мне не хватит солянки и кто-нибудь уведет у меня из-под носа эту последнюю горбушку.

В дополнение к первому я взял пару стаканов сметаны и стал дожидаться кого-нибудь из работников славного общепита. Через десять минут, видя, что солянка, как льдом, покрывается пленкой застывающего жира, я издал призывный крик, вызвавший гулкое эхо. Где-то в глубине кухни послышались шаркающие шаги, и необъятная женщина, облаченная в халат, который, по-видимому, когда-то был белым, подошла к кассе и грузно опустилась на стул. Стул коротко скрипнул, кассирша зевнула, мельком взглянула на выбранные мной блюда и спросила:

— Донор?

— Не понял?

— Донор, я спрашиваю?

— Кто? Я?

— Ну не я же!

— Нет, а что?

— Сметану на место положь. Сметана — донорам.

«Есть многое на свете, друг Горацио...» — фило-

софски подумал я и безропотно вернул сметану.

Хорошая штука — аутотренинг. При желании можно внушить себе все что угодно. Говорят, один человек, замерзая, внушил себе, что ему жарко, и остался жив. Я тоже когда-то пытался заниматься аутотренингом. Я даже научился вызывать у себя чувство тепла в ногах. И не всегда это происходило, когда на ногах были шерстяные носки... Но, видимо, какие-то мощные поля пересекались в этой столовой и создавали помехи, иначе чем объяснить, что, несмотря на мои усилия, все мои добросовестные попытки представить вместо столовской солянки небесный нектар или на худой конец домашние щи, мой желудок воспротивился первой же ложке этого варева, и только энергичнейшее внушение помогло не выплюнуть суп обратно в тарелку. Я жадно сгрыз горбушку и, посрамленный, ощущая спиной презрительный взгляд кассирши, направился к выходу.

Пустынная грунтовая дорога, по которой двадцать минут ходу до гостиницы, поднималась в гору. Там, за бугром, начинался город. Город, в котором один маршрут автобуса, один кинотеатр, одна гостиница... Город, которому не был нужен я и который не был нужен мне. Я шел по безлюдной дороге и остро ощущал свою никчемность. Я чувствовал себя инородным телом, которое в лучшем случае не принесет вреда, а о пользе и говорить нечего. По-видимому, я сам был в достаточной мере виноват в этой ситуации. Кто мешал мне взять с собой экземпляр чертежей? Или попросить замзава позвонить и поподробнее узнать обстановку с монтажом линии? Хотя, с другой стороны, я понимал, что послан сюда «заткнуть дырку». Так сказать, для отчетности: вы нам писали — мы отреагировали, послали специалиста.

Впереди на дороге появились двое. Издалека я не мог разглядеть, что это за люди, но их походка выдавала, говоря медицинским языком, сильное алкогольное опьянение. Они шли под гору и поэтому, несмотря на неуверенную поступь, приближались довольно быстро. Это были два молодых парня — лет по шестнадцать. Завидев меня, они остановились и, переговариваясь, стали ждать. Я понял, что они, как сказал бы один мой знакомый хулиган, «имеют ко мне интерес», и в животе как-то

неприятно похолодело. Один из них залез в карман и вынул оттуда что-то блестящее.

Я прищурился и увидел, что это заточенный, отполированный трехгранный напильник. Честно говоря, никогда не чувствовал себя особенно храбрым, скорее наоборот, но что-то всегда мешает в открытую признать свою трусость, и вот как в данном случае — прешься навстречу неприятностям, хотя твердо знаешь, что для всех было бы лучше, если бы взял, например, и вернулся на фабрику. Но нет! Я приближался к ним, лихорадочно просчитывая варианты: правого, который с напильником, бью ногой, а рукой — левого. Хуже, если он вздумает метнуть эту штукловину. Отреагировать будет очень трудно. Почти невозможно. Если не кинет, тогда, конечно, надо бить сразу, как только приближусь. Но еще ни разу в жизни я не смог ударить человека первым. Даже если он ждет с напильником в руках. Все, осталось три метра. Внешне я абсолютно спокоен.

— Зёма, закурить не будет?

— Будет. — Не сводя глаз с напильника, достаю из кармана пачку «Пегаса», купленную в Ленинграде. Напильник опускается в карман. Парни вынимают из пачки сигареты, удивленно рассматривают.

— Импортные? Вещь! Спасибо, зёма.

— На здоровье, — улыбаюсь я и как ни в чем не бывало продолжаю свой путь. Правда, руки в карманах заметно трясутся и, судя по шуму в висках, пульс не меньше ста сорока в минуту. Еще немного — и инородное тело было бы удалено хирургическим путем.

Следующий день начался с телефонного разговора с замзавом. Я сообщил ему об отсутствии чертежей и услышал в ответ подробный критический анализ работы нашей почты, а задом и моей работы. Я узнал о том, какое это высокое звание «инженер-конструктор» и насколько я ему соответствую. Потом трубку у меня забрал директор, и уже замзав получил исчерпывающую информацию о высоком звании конструкторов и выслушал ряд рекомендаций, касающихся работы всего нашего конструкторского отдела в целом и замзав в частности. Затем трубка снова перешла ко мне, и замзав, утомленный обменом мнений, поставил передо мной новую задачу:

— Значит, так. Слушай. Когда они получат чертежи — неизвестно. Поэтому ты займешься следующим: пойдешь в цех, где они собираются установить линию. Там уже сделан фундамент. Сделаешь его эскиз и срочно выезжай — ты очень нужен на работе. Особенно важно — расположение отверстий под фундаментные болты. Строители эти чертежи получили. Отверстия должны быть распланированы уже под новый станок. Все.

Интересно, подумал я, зачем это я так срочно понадобился на работе... Как-то меня эта информация удивила и, сознаюсь, почему-то не порадовала.

Директор объяснил мне, где находится цех, и я отправился смотреть фундамент. Я пришел в недостроенное большое высокое помещение с бетонными стенами и потолком. В двух стенах были сделаны широкие проемы, на которые, по-видимому, в будущем собирались навесить ворота. Пока же благодаря мощному потоку воздуха, входящему в один проем и выходящему из другого, помещение напоминало аэродинамическую трубу. Пол был засыпан песком, и никаких признаков фундамента не наблюдалось. Возле одной из стен возвышался целый песочный холм. На нем в разных позах сидело человек десять в телогрейках. Они, оживленно беседуя, перекуривали. Я поковырял ногой песок, но фундамента не обнаружил. Ковырнул в другом месте — безрезультатно.

Перекуривающие с интересом наблюдали за мной. Я прикинул, где вероятность наткнуться на фундамент наиболее высока, и, наклонившись, копнул уже рукой. Песок был мокрый и холодный.

— Эй! — крикнули мне с кучи. — Обронил, что ли, чего? Или, может, клад ищешь?

— Вы тут фундамента не видели? — выпрямился я.

— Давно потерял? — На куче дружно захохотали. Я промолчал.

— Ты что — больной? Фундамент-то под стенами! Кто ж его посреди цеха делать будет?

Умный мужик попался. Наверное, строитель...

— Здесь под линию фундамент должен быть.

— Точно, — вспомнил один мужик, — был такой. Только когда песок возили, его засыпали. Но был — это точно. Покопать надо.

— А много здесь песка? — поинтересовался я.

— Ну, не особо. Сантиметров пятнадцать.

Я сел на песок прямо там, где стоял. Учitivая общую длину линии и ее площадь, для того чтобы откопать фундамент, мне потребуется столько времени, что к концу работы чертежи транспортера придут уже наверняка. Тогда я начну делать новые чертежи, а потом, глядишь, еще и на монтаж останусь. И на заслуженный отдых я, скорее всего, уйду не из нашего ударного отдела, а отсюда, с фабрики. Надо только поменять квартиру и найти здесь работу для жены. Хорошая получается командировка. Нескучная. Я сосчитал в уме до ста и, успокоившись, встал. Надо подойти к проблеме по-новому. Искать другой выход из положения. В моем мозгу медленно плелась нить логических умозаключений.

Фундамент строители должны были сделать по чертежу. Во всяком случае, в это хотелось верить. Если у них чертежи фундамента с учетом нового станка — все в порядке. Значит, и фундамент сделан под новый станок. Следовательно, не надо чертить никакого эскиза, надо найти строителей, узнать, по какому чертежу они изготовили фундамент, перерисовать чертеж, и можно возвращаться домой. Только для очистки совести необходимо будет все же откопать пару-тройку отверстий под фундаментные болты и проверить, соответствует ли расстояние между ними чертежу. Я понял, что нашел самое оптимальное решение, страшно обрадовался и бросился искать строителей.

Вагончик, в котором располагались строители, окружала непролазная грязь. Создавалось впечатление, что место для него специально выбиралось с учетом недоступности. Во всяком случае, другой такой топи в окрестностях не наблюдалось. Минут десять я тщетно пытался форсировать возникшую на моем пути преграду. Затем мне на глаза попала куча желтоватых кирпичей. «Эврика!» — подумал я и принялся выкладывать кирпичную тропу. Всего час, и я уже стоял у дверей вагончика, с удовлетворением осматривая дело рук своих — желтую кирпичную дорогу. Когда-то такая дорога помогла сказочной Элли и ее собаке Тотошке вернуться из волшебной страны к себе домой в Канзас. Я в Канзас не собирался, но надеялся, что моя кирпичная тропинка тоже приблизит мое возвра-

щение в родной город. Посмотрим, подумал я, ждет ли меня добрый Гудвин, и вошел в вагончик. Маленькая прихожая упиралась еще в одну дверь. Из-за двери доносились голоса:

— Семь вторых.

— Здесь.

— Восемь вторых.

— Здесь.

— Бери прикуп.

Судя по дальнейшим выражениям, прикуп был никудашный. Я же сделал для себя приятный вывод, что за дверью, скорее всего, мастера или даже инженеры. Вот если бы я услышал про «штаны» и «гнилую даму», можно было бы сомневаться. А тут сразу видно — интеллектуалы. Я постучал.

— Опять, что ли, Васька пришел гвозди клянуть? — сказал кто-то. Щелкнул замок, и дверь открылась. Четыре молодых парня выжидающе смотрели на меня. Я вкратце объяснил, что мне нужно.

— Ну, это ко мне, — сказал один из них. — Значит так, фундамент сделан по вашим чертежам.

Он достал из ящика стола чертеж и развернул его. У меня радостно замерло сердце — чертеж фундамента был под новый станок.

— Скажите, — поинтересовался я, — а ошибки быть не может?

Парень пожал плечами:

— Не должно быть. Но если хочешь, можешь проверить.

— Вы не могли бы дать мне второй экземпляр этого чертежа и, если можно, рулетку.

— Второго экземпляра нет. Но можно взять этот и снять копию. А вот рулетку... Рулетку Васька забрал. Пока мы отсутствовали. Больше на фабрике рулетку не найдешь. Проверено.

— А где можно найти Ваську? — спросил я.

— Ваську-то найти можно, если очень захотеть, — вздохнул парень. — А вот рулетку... Это вряд ли. Что к Ваське попало, то пропало. Это тоже проверено. Вот все, что могу предложить.

Он порывлся в ящике и извлек оттуда двадцатисантиметровую деревянную линейку. Я взял чертеж, линейку, поблагодарил и отправился в строящийся цех проверять фундамент.

Холодный ветер продувал цех с прежней силой. Песчаный холм опустел. Видимо, вдоволь накурившись, мужики ушли обедать. Конечно,

не всё же курить, надо иногда и отдохнуть, перекусить. Я тоже ощущал легкий голод, но в столовую идти совсем не хотелось. Наверное, потому, что я еще не достиг вершин аутогенной тренировки. Вот если бы сдать где-нибудь немного крови, прийти в столовую уже в качестве донора и составить свой обед из трех стаканов сметаны и корочки хлеба... Но увы!

Я вышел на середину цеха, прикинул, где лучше всего попытаться откопать ту часть фундамента, которая предназначена под станок, и вдруг понял, что копать-то мне и нечем. Ни лопаты, ни даже захудалого совка у меня не было. Хотя по уже прикинутому мною объему работ мне нужен был как минимум экскаватор. Я подошел к проему в стене и выглянул наружу. Экскаватора поблизости не было. Зато я нашел обрезок водопроводной трубы и маленькую дощечку от ящика, на которой еще сохранилась этикетка «Магос». «С ума сойти, — подумал я, — ведь где-то сейчас жара и зреют фрукты». От этой мысли ветер, пронизывающий цех, показался еще холоднее. Я вернулся к выбранной мной начальной точке своих поисков и, положив рядом обрезок трубы (он должен был сыграть роль лома, если грунт окажется твердым), копнул дощечкой песок.

Лиха беда начало, говорится в народе, и нет оснований не соглашаться с этой проверенной временем истиной. Песок оказался мягким и податливым. Я разошелся не на шутку, и дело продвигалось довольно быстро. Похоже, что кто-то из моих далеких первобытных предков виртуозно владел таким орудием труда, как палка-копалка, и его гены, доселе мирно дремавшие, ожили и воскресили во мне древние навыки. Я, инженер-конструктор двадцатого века с тарной дощечкой в руках, чувствовал, что даже мог бы дать фору своему неизвестному пращуру.

Яма углублялась и увеличивалась в площади. Мне уже было жарко, но я с каким-то безумным азартом все быстрее и быстрее работал дощечкой. И мои поиски увенчались успехом — я наткнулся на бетонную полосу фундамента, да еще и как раз в том месте, где находилось отверстие под фундаментный болт. Я покопал в стороны и нашел еще одно отверстие! Все! Осталось проверить размер.

— Могила, что ли, роешь? — сказал кто-то, и

я вздрогнул от неожиданности. Рядом со мной стоял мужичок в новеньких кирзачах, новеньких ватных штанах и аккуратной, чистенькой, с иголки, телогрейке. Он лучезарно улыбался, держа во рту свернутую из газеты козью ножку. Почему-то я подумал, что газета скорее всего сегодняшняя.

— Инженер, что ли? Командированный? — поинтересовался мужичок.

— Откуда вы знаете? — удивился я.

— Так кто ж еще на таком ветру доской песок копать будет?

Я выбрался из своей ямки и тоже закурил.

— Небось, с высшим образованием? — Мужичок не то улыбнулся, не то сощурился от дыма своей козьей ножки.

— С высшим.

— Что ж вас в институте не учат, что копать надо лопатами, а не досками?

— Не учат, — сказал я, не найдя ответа пооригинальнее.

— А вот я, — мужик глубоко затянулся, — хоть институтов не кончал, а копал бы лопатой, а не доской.

— Так давайте, — предложил я. — Принесите лопату, покопайте. Я вам спасибо скажу.

— За «спасибо» — спасибо. А кто мне оплатит? Надо наряд составить. Хотя бы на червонец. Или наличными. Тогда другое дело. А за так у нас только инженеры ямы копают. Палками.

— Я не за так. Просто у меня оклад, а не сдельщина.

— Ты кем работаешь-то?

— Инженером-конструктором, — сказал я не без гордости, отпихнув ногой не нужную уже палку-копалку.

— И как платят?

— Нормально. Оклад — сто двадцать, на руки — сотня.

— Ага, значит, нормально.

— А что? Как у других. Лет через... Ну, в общем, в перспективе можно до ста восьмидесяти добраться. Потом, у меня жена тоже сотню получает...

— Жена-то кем?..

— Врач.

Мужик докурив самокрутку, бросил, затоптал ногой. Достал из кармана пачку «Примы», снова закурил.

— Слушай, парень, вот у меня семь классов, а в месяц с премией сотни три с половиной набегают. Так я понять не могу, чего вы в эти институты претесь?

Я помолчал, затаился пару раз и сказал фразу, которую не произносил до этого ни разу в жизни:

— Учиться нравится.

Мужичок посмотрел на меня как на ненормального, сплюнул и проговорил:

— Ага, понятно. Ну ладно, пойду я. Дощечку свою не потеряй.

Он повернулся и ушел, не сказав больше ни слова. Я понял, что мой ответ поразил его до глубины души.

Я взял линейку, залез в свою ямку и измерил расстояние между центрами отверстий. Оно соответствовало чертежу. Я проверил еще раз. Как в аптеке. «Ура!» — подумал я и побежал в заводоуправление снимать копию с чертежа.

Уже через сутки я вошел в кабинет нашего замзава и торжественно развернул на столе перед ним чертеж фундамента. Замзав не глядя небрежно отодвинул его и сказал:

— Это хорошо, что ты так быстро прилетел. Надо ехать в совхоз. В этот раз едешь старшим. Надо набираться опыта.

Я временно лишился дара речи. Я сосчитал в уме до ста, но это не произвело должного эффекта. Я посмотрел на свои руки и пересчитал

пальцы. Их было ровно десять, но даже это меня не успокоило. Тогда я попытался вызвать у себя ощущение тепла в ногах, но почувствовал лишь холод в животе.

Замзав все это время выжидающе молчал. Наконец я пришел в себя и неуверенно возразил:

— Я не поеду. Тем более старшим.

— Кроме тебя некому. Ты единственный, кто может поехать от отдела, а в группе ты будешь единственным инженером. Поэтому тебя и назначают старшим.

— Не поеду, — сказал я уже более твердо.

Замзав вскочил и зашагал взад-вперед по кабинету. Потом выхватил из ящика стола какой-то листочек и, яростно размахивая им, закричал:

— Какое ты имеешь право отказываться?! Ты командировку завалил? Завалил! Государственные деньги бесполезно потратил! И еще будешь от совхоза отнекиваться! Между прочим, вчера с фабрики телетайпограмма пришла. На, полюбуйся!

Замзав протянул мне листок. Там было отпечатано: «Просьба срочно выслать компетентного специалиста для монтажа линии...»

Слово «компетентного» было подчеркнуто черным фломастером.

Я сосчитал в уме до ста десятками и обреченно вздохнул...

□

Олег Николаевич ЦЕЛЕБРОВСКИЙ

родился в 1960 году в г. Куйбышеве.

Окончил лесоинженерный факультет

Петрозаводского государственного университета.

С 1999 года работает в журналистике.

Автор книги фантастики в соавторстве с С. Аркавиным

«Забег с драконом» (1991)

и книги для детей «Приключения Маргариты и ее друзей» (2008).

Член Союза журналистов России.

